

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

КВЕБЕКСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Е.С. Сарматин
(Россия, г. Волгоград)

Российский федерализм первоначально формировался на договорной основе, изживая унаследованный от советского периода унитаризм. В дальнейшем федерализм принял конституционный характер, реализовав себя в качестве «жесткой модели». В Канаде оптимальная модель федерализма не реализуется из-за нерешенности статуса провинции Квебек. Опыт российского федерализма может оптимизировать этот статус, способствуя решению в Канаде национального вопроса.

Ключевые слова: федерализм, национальный вопрос, сепаратизм, договорная федерация, конституционная федерация.

The Russian federalism had originally been formed on a contractual basis, eliminating the Soviet unitarian system. Later on the federalism got constitutional character and became a "rigid model". In Canada the optimal federalistic model is not realized because of the unsolved problem of Quebec province status. The Russian federalistic experience can optimize this status and facilitate the settlement of the ethnic issue in Canada.

Key words: federalism, ethnic issue, separatism, contractual federation, constitutional federation.

Референдум о независимости Квебека, проведенный пришедшей к власти в этой канадской провинции Квебекской партией 6 октября 1995 г., вызвал широкий резонанс не только в самом канадском обществе. Не меньший интерес его результаты вызвали и в ряде зарубежных государств, особенно таких, где сохраняется острота национального вопроса. Вот, например, что заявил Жорди Пуансоль, премьер-министр испанской провинции Каталония и лидер правящей там политической партии: «Референдум показал, что в стране, где демократия функционирует нормально, вопрос о независимости может быть решен мирным путем». Ему вторит и Анхель Колом, возглавляющий Республиканскую левую партию Каталонии, которая выступает за полную независимость от Мадрида: «Голосование в Квебеке показало, что национализм продолжает оставаться локомотивом истории» [1].

Не менее показательны и отклики на это событие в российской прессе. Чего стоит, например, название публицистической статьи Э. Гусейнова в такой уважаемой газете, каковой являются «Известия»: «Сепаратисты всех стран, равняйтесь на Квебек». Острота реакции российской прессы вполне понятна и объяснима, учитывая, что все это происходило в самый разгар первой войны в Чечне, поставившей под вопрос территориальную целостность Российской Федерации. Трудно поэтому согласиться с мнением такого известного специалиста по «квебекскому вопросу», как В.А. Коленко, говорящего о нежелании российской общественности «понять объективные национальные чаяния франко-канадцев Квебека, столь характерные для англоязычной прессы Канады и США...» [2, с. 204]. Формат публицистических статей не позволяет провести развернутый научный анализ квебекских реалий, но аналогии с российскими реалиями очевидны, что и было подмечено российскими публицистами, на наш взгляд, достаточно определенно.

«Квебекский вопрос» в условиях современной Канады продолжает существовать, хотя его острота несколько спала. Отсюда и возникает необходимость сопоставления реалий Канады и Российской Федерации, проанализировать общее и особенное в межнациональных отношениях, присущих обоим государствам.

Обращаясь к российским реалиям, приведем некоторые статистические данные. По численности населения 145,2 млн человек (перепись 2002 г.) Россия занимает 7-е место мире. В Российской Федерации проживает свыше 160 народов, в том числе

русские (79,8 %), татары (3,8 %), украинцы (2 %), башкиры (1,2 %), чувашаи (1,1 %), чеченцы (0,9 %), армяне (0,8 %), мордва (0,6 %), белорусы (0,6 %) [3, с. 9]. Как мы видим, этнические русские резко преобладают над остальными этническими общностями, что и дает основания для именно такого наименования единого многонационального государства. Но если в Канаде дискутируется вопрос о существовании одной или двух канадских наций, то в России многонациональность ее состава достаточно очевидна. Вместе с тем очевидно и формирование такой исторической общности исторической судьбы, знанием единого государственного языка, некоторыми общезначимыми характеристиками менталитета, психологии, образа жизни. В преамбуле Конституции Российской Федерации употребляется такой термин, как «многонациональный народ Российской Федерации», что следует рассматривать как аналог термина «гражданская нация», отнюдь не исключающая многообразия ее этнонационального состава.

В момент принятия ныне действующей Конституции РФ (декабрь 1993 г.) в составе Российской Федерации находились 89 субъектов Федерации: 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), 1 автономная область, 10 автономных округов. Ассиметричность устройства РФ, как мы видим, проявляется в разнопорядковости ее субъектов, в сочетании национально-территориального и административно-территориального принципов их конституирования. Обращает на себя внимание отсутствие специально выраженной русской национальной государственности («Русской Республики»), к созданию которой привязывали как русские, так и нерусские националистические движения. Мы, однако, полагаем, что нет основания для утверждений о том, что русский народ потерял свою государственную субъектность. Во-первых, федеральные органы власти формируются, в первую очередь, за счет русских национальных кадров. Во-вторых, культурно-образовательное пространство в основном является русскоязычным в «русских» субъектах федерации и во многом в «национальных» республиках, не говоря уже об автономной области и автономных округах. Создание еще одного этажа государственности в лице «Русской Республики» означало бы формирование дополнительных министерств и ведомств, которые во многом бы дублировали аналогичные органы федерального уровня, не говоря уже о том, что это означало бы формирование нового слоя чиновничьего (в значительной степени бюрократизированного) аппарата.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство: создание «Русской Республики» как бы выделило бы ее на фоне остальных субъектов федерации, в известной мере противопоставило бы ее им. Безусловно, это не могло бы сыграть негативную роль, особенно на фоне воспоминаний о развале Советского Союза. Вместе с тем нельзя не сказать и о том, что «русский вопрос» в «национальных» республиках федерации реально существует. В экстремальной форме он проявил себя в Чечне в период обеих контртеррористических кампаний, в ходе которых подавляющее большинство «русскоязычных» было вынуждено уехать из республики, а комфортность проживания немногих оставшихся стала весьма относительной. Вообще парадокс ситуации заключается в том, что в большинстве национально-территориальных образований «русскоязычные», в отличие от «коренных» жителей, составляют численное большинство (например, в Республике Адыгея русские составляют 67,9 %, адыги – 22,1 %, украинцы – 3,2 %, в Бурятии русские – 69,9 %, буряты – 24 %, украинцы – 2,2 % и т.д.) [3, с. 856, 858]. Однако в таких республиках подчас допускается известный крен в сторону непропорционально высокого представительства «коренных» народов в органах власти и управления, что провоцирует напряженность в отношениях с местным «русскоязычным» населением.

Нужно констатировать, что Конституция РФ 1993 г. явилась важным шагом в развитии федеративного устройства России как необходимого условия ее политического и экономического единства. Введя единое понятие – субъект Федерации, Конституция подчеркнула, что все они равноправны, в том числе во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Вместе с тем следует подчеркнуть,

что такое равноправие субъектов Российской Федерации весьма относительно. Достаточно отметить, что в тексте самой Конституции РФ «национальные» республики именуются не иначе, как «государства» [4], что в сочетании с конституционным принципом территориальной целостности выглядит как правовая коллизия («государства в государстве» не может быть по определению).

Вместе с тем следует иметь в виду, что фиксация государственного статуса за республиками Российской Федерации была в какой-то степени вынужденной мерой. Не надо забывать о том, что после крушения Советского Союза и перехода кризиса российской государственности в развернутую стадию все республики Российской Федерации (а некоторые из них только перед этим стали таковыми, подняв свой статус от уровня автономной области) объявили о своем суверенитете и приняли собственные конституции и прочие законодательные акты, подчас расходящиеся с федеральной конституцией и федеральным законодательством. Термин «суверенитет» в строгом смысле слова является синонимом термина «независимость», поэтому оговорки типа «суверенитет в составе России» юридически недостаточны.

«Парад суверенитетов» в какой-то мере был приостановлен заключением федеративного договора от 31 марта 1992 г., который подписали все субъекты Российской Федерации, кроме Татарстана и Чечни. В этом договоре были зафиксированы территориальная целостность страны и приоритет федерального законодательства под региональным. До устранения тезиса о «суверенитете» на региональном уровне дело еще не дошло, но основные принципы федеративной государственности были зафиксированы. Таким образом, было положено начало отходу от фактического унитаризма советской эпохи и переходу к реальному федерализму, а вновь рождающийся российский федерализм таким образом стал приобретать договорной характер.

Процесс формирования договорной федерации был продолжен в феврале 1994 г. подписанием отдельного договора с Татарстаном, по которому последнему удалось получить значительные преференции по сравнению с остальными субъектами. Целостность российского государства в этом случае удалось сохранить, но ценой усугубления асимметричности российского федерализма. Эта асимметричность усугубилась еще более, когда по примеру Татарстана отдельные договоры с федеральным центром стали подписывать и другие субъекты, причем не только национально-территориального, но и административно-территориального характера. При этом каждый субъект получал от федерального центра тот или иной набор преференций, что еще более нарушало конституционный принцип равенства субъектов федерации.

Процесс утверждения реального федерализма начался гораздо позже, уже в годы президентства В.В. Путина. Во-первых, под нажимом федерального центра из конституций субъектов федерации было изъято упоминание о «суверенитете» как юридическом нонсенсе. Во-вторых, были аннулированы все договоры субъектов федерации с федеральным центром, их отношения стали регулироваться только Конституцией РФ 1993 г. Федерация, таким образом, вместо договорной стала конституционной. В-третьих, была наконец решена проблема легитимизации Чечни как субъекта Российской Федерации: на референдуме 23 марта 2003 г. граждане Чечни подавляющим большинством голосов приняли Конституцию Республики, где присутствует тезис о ее нахождении в составе России, в октябре того же года был избран ее президент. В-четвертых, была существенно улучшена управляемость субъектами федерации: появились опосредствующие звенья в лице семи (а теперь уже восьми) федеральных округов во главе с представителями Президента России (нужно отметить, что положение о федеральных округах отсутствует в российской конституции, что следует рассматривать как правовой пробел). Наконец, в-пятых, была введена новая система выборов глав субъектов федерации по представлению Президента страны их региональными парламентами, что позволило оптимизировать управление и контроль над регионами.

Существующая в настоящее время модель российского федерализма, безусловно, не является окончательной. Тем не менее уже можно говорить о его относительной сформированности. Эта модель «жесткой» федерации позволила предотвратить

возможный развал российской государственности и открыть перспективы всесторонней модернизации страны.

Обратимся теперь к реалиям современной Канады, с чего мы, собственно, и начали данную статью. По данным переписи, в современной Канаде проживают 31,2 млн человек (перепись 2006 г.). Говорят в основном на канадском варианте английского языка (англоканадцы) и канадском варианте французского языка (франкоканадцы). Английский считают родным 17,9 млн канадцев, французский – 6,8 млн [5, с. 678]. До середины XIX в. франкоканадцы, несмотря на отсутствие новых иммигрантов, численно превосходили англоканадцев. Благодаря контактам французских поселенцев с аборигенным населением сложился слой франко-индейских метисов. Ныне франкоканадцы компактно проживают на территории старых французских колоний – в Квебеке (79 % говорящих в быту по-французски), на севере Нью-Брансуика (32,4 %), на востоке Онтарио, на юге Манитобы (в регионе Сент-Бенифейса – пригорода Виннипега). При этом 92,6 % франкофонов Квебека и 80,4 % – Нью-Брансуика говорят в быту только по-французски. Среди квебекцев наиболее выражен рост канадской идентичности: из 5,7 млн канадцев, указывающих свое «чисто канадское» происхождение, 3,2 млн человек живут в Квебеке [6, с. 696–697].

Чем же объясняется сохраняющаяся напряженность в отношениях между двумя крупнейшими национальными общинами? У франкоканадцев имеется достаточно исторических аргументов для того, чтобы считать себя ущемленной этнической общностью. Франкоканадцы попали под власть британской короны в 1763 г. после проигранной Францией Семилетней войны. В колониальный период (до 1867 г.) франкоканадцы не допускались в колониальную администрацию, а преподавание на французском языке в государственных школах вообще стало практиковаться только в 1970 г. Проблема сохранения и упрочнения национальной идентичности решалась франкоканадцами за счет укрепления религиозной составляющей их обыденной жизни. Достаточно сказать, что вплоть до 1960-х гг. духовная монополия католической церкви, в первую очередь в сфере образования и воспитания, была практически всеобъемлющей.

Последовавший в 1960–1970-е гг. процесс секуляризации («тихая революция») вывал значительный рост гражданской и политической активности, совпавший к тому же с широко развернувшимся в странах Запада молодежным движением протеста. В Квебеке это движение приняло форму воинствующего национализма. В семидесятых годах в провинции активно действовала террористическая организация «Фронт освобождения Квебека», захватывавшая в заложники федеральных министров и британских чиновников. Когда фронтом был похищен и убит министр Пьер Лапорт, власти Оттавы ввели в действие «Акт о военных мерах», приостановили в Квебеке гражданские свободы и бросили за решетку без суда и следствия более четырехсот человек [7].

С тех пор квебекское национальное движение носит сугубо мирный характер, добиваясь при этом значительных успехов. С 1971 г. в Канаде принята концепция многокультурности, признающая плюрализм этнических культур при единстве канадской нации. По закону 1969 г. в официальной сфере Канады внедряется англо-французское двуязычие. И, конечно же, большое значение имела Хартия французского языка – конкретная законодательная мера, принятая в интересах подавляющего большинства франкоязычного населения Квебека для сохранения его родного языка и самобытной культуры. Именно благодаря этому закону за пять лет (с 1976 по 1981 гг.) англоязычное население Квебека уменьшилось с 797 до 706,1 тыс. человек, т.е. на 11,5 %. И это произошло не только благодаря «исходу» богатых англоканадских семей из Монреаля, но и вследствие того, что приезжавшие теперь в Квебек иммигранты впервые стали ассимилироваться с преобладающей франкоязычной средой и приобщаться к ее культуре, чего раньше никогда не было. В результате доля лиц, для которых французский язык стал родным, повысилась за эти пять лет с 80,8 % до 82,4 % [2, с. 179].

Следующий шаг по расширению прав франкоканадского населения был связан с принятием конституционного Акта 1982 г. (о «патрициации» конституции Канады). С момента его принятия для канадских властей отпала формальная необходимость обращаться в Лондон по вопросам федерально-провинциальной юрисдикции. Тем

самым почти завершился процесс обретения Канадой всех атрибутов независимого государства. Новая конституция Канады открывалась Хартией прав и свобод, расширяла права провинций, определяла процедуру изменения конституции и т.д. Вместе с тем в ней отсутствовало положение об особой франкоканадской нации, что не могло устроить правительство Квебека.

30 апреля 1987 г. во время федерально-провинциального совещания в Мич Лейк премьер-министру федерального правительства Брайану Малруни удалось склонить премьер-министров всех девяти англоязычных провинций к принципиальному соглашению на признание особого статуса франкоязычной провинции Квебек, даровав им в обмен за это существенное расширение автономии, в том числе и право «вето» на любые изменения в федеральных учреждениях и конституции. Однако это, как и последующие соглашения такого рода, так и не вступило в силу. Тезис об особом статусе Квебека не вполне удовлетворял и франкоканадскую сторону, ибо он, в противоречии с ним, сочетался с тезисом о равном статусе всех десяти канадских провинций.

Неудачи в попытках разрешения национального вопроса спровоцировали референдум в Квебеке 30 октября 1995 г., проведенного по инициативе пришедшего к власти в провинции руководства сепаратистки настроенной Квебекской партии. Его результаты весьма драматичны – за суверенитет высказались 49,4 % принявших участие в голосовании (из них около 60 % составляли франкоканадцы), против – 50,6 % (из них практически все англоязычное меньшинство, иноязычные иммигранты и индейцы) [2, с. 203]. Мы видим, таким образом, что национальные меньшинства самого Квебека, опасаясь остаться один на один с франкофонами, высказались против суверенитета. Более того, индейцы северного округа провинции (63 % территории Квебека), составляющие там большинство населения, пригрозили в случае отделения Квебека от Канадской федерации выйти из его состава и снова в нее вернуться.

Неудача с сепаратистским проектом в Квебеке, обозначенная на референдуме 1995 г., не означает устранения возможности его реанимации в будущем. Тем более Верховный суд Канады 20 августа 1998 г. постановил, что в случае принятия решения о суверенитете в Квебеке на референдуме в провинции оно будет вполне легитимным [2, с. 217].

Как же выйти из ситуации, грозящей Канадской федерации развалом? Один из таких вариантов предлагают умеренно-радикальные круги франкофонской интеллигенции: речь идет о заключении федеративного договора между Французской Канадой и Английской Канадой на равноправной основе на базе конституционного признания существования двух канадских наций. Но это означает, что девять англоязычных провинций должны объединиться в собственное государственное образование со всеми его атрибутами, составив, таким образом, второй субъект грядущей федерации. До боли знакомая картина, так напоминающая почивший в обозе «двухэтажный» советский псевдофедерализм!

Такой вариант для англо-канадцев вряд ли будет приемлем. И вот здесь, как это ни покажется странным, добрую службу может оказать российский опыт современного федеративного строительства. Выше мы уже указывали на нереальность и ненужность создания так называемой «Русской Республики» в составе Российской Федерации. Нет необходимости создавать и некий единый англоязычный субъект Канадской федерации наряду с франкоязычным Квебеком. Но тезис о существовании двух канадских наций в конституцию федерации, безусловно, должен быть внесен, что и должно удовлетворить франкоязычную сторону. Возможно, имеет смысл использовать формулировку «многонациональный народ» Канадской конференции по аналогии с «многонациональным народом» Российской Федерации, как оно записано в российской конституции, учитывая, что есть еще и «третья» сторона – индейцы и эскимосы, не поддающиеся ассимиляции.

Другой возможной новацией может стать придание Канадской федерации республиканского статуса. До сих пор формальным главой государства остается английская королева, что подчеркивает неравноправие франкофонов, задевая их национальные чувства. Мы видим, таким образом, что в ходе строительства как Российской,

так и Канадской федераций имеются не только существенные различия, но и некие общие черты. Взаимное обогащение опытом государственного строительства пойдет на пользу обеим демократиям, сталкивающимся с угрозой дезинтеграционных процессов.

Список литературы

1. Гусейнов Э. «Сепаратисты всех стран, равняйтесь на Квебек» / Э. Гусейнов // Известия, 1995. – 1 ноября.
2. Коленеко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека. XVII–XX вв. / В. А. Коленеко. – М.: Наука, 2006. – С. 179, 203, 204, 217.
3. Большая российская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2004. – С. 9, 856, 858.
4. Конституция Российской Федерации. – Статья 5. – Пункт 2.
5. Канада // Большая российская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. – Т. 12. – С. 678.
6. Тишков В. А. Канадцы / В. А. Тишков // Большая российская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. – Т. 12. – С. 696–697.
7. Стурюа М. Впереди третий тайм. Послесловие к референдуму в Квебеке / М. Стурюа // Известия. – 1995. – 4 ноября.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО СОСТОЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ

Е.М. Дринова
(Россия, г. Волгоград)

В статье анализируются причины неустойчивого состояния религиозного пространства. В числе основных причин рассматриваются: экономическая нестабильность, низкий уровень жизни, отсутствие гражданского общества, этноконфессиональные конфликты, глобализация, терроризм. Предлагается авторская концепция существования устойчивого состояния религиозного пространства.

Ключевые слова: конфессиональные деструкции, исламофобия, миграционные процессы, контрмиграция, этнотолерантная доминанта, устойчивое состояние религиозного пространства.

In article the reasons of an unstable condition of religious space are analyzed. Among principal causes economic instability, a low standard of living, absence of a civil society, ethnoconfessional conflicts, globalization terrorism are considered. The author's concept of existence of a steady condition of religious space is offered.

Key words: confessional destruction, Islamophobia, migratory processes, counter migration, the ethnotolerant dominant, a steady condition of religious space.

Участие религии в современном политическом процессе является настолько очевидным и часто обсуждаемым в свете этноконфессиональных проблем, как в странах Западной Европы, так и в России, что обращение к этой проблеме с позиций определения степени ее влияния, роли и места в жизни общества, несомненно, является актуальным. В исторической ретроспективе активное вторжение религии в мир политики всегда приводило к общественным подвижкам и новому качеству, зачастую неустойчивого состояния религиозного пространства. В современном мире, как нам видится, неустойчивое состояние религиозного пространства обусловлено целым рядом факторов, таких как экономическая нестабильность, низкий уровень жизни.

Усугубили эту проблему процессы глобализации. Суть проблемы заключается в том, что глобализация привела к экономической и политической интеграции мирового сообщества, а его религиозные и этнические компоненты оказались, в силу своей исторически обусловленной устойчивости, неподвластны этим процессам и явились фактором напряженности. Глобализация, и как одно из ее следствий, усиление религиозной и этнической напряженности обозначили несколько векторов неустойчивого состояния религиозного пространства как в мире в целом, так и в России в частности. Первый вектор – конфессиональные деструкции как фактор неустойчивого состояния религиозного пространства. Второй вектор – миграционные процессы, рост этниче-